

Боль Сближает Семью! Время Настоящей Миссии II

— Мне не нужен саке, Кей! Мне нужен ниндзя-медик, мне нужно обезболивающее! — громкий возглас донесся до Маны этажом ниже — папа снова что-то сделал, из-за чего разболелись его руки. Мана медленно убрала не застёганный рюкзак и спустилась вниз. Она взглянула на сердитую мать, кромсающую огурцы на кухне, и на отца, яростно заматывающего свои повязки, — каждый, кто пытался забинтовать свои собственные поврежденные руки, знал, как жалко это выглядело со стороны. Лицо Маны перекошило от боли. Раньше ее семья была так счастлива, конечно, находиться рядом с мамой и ее-то жизненной энергией в одной комнате было опасно, в то время как отец был ее полной противоположностью, но...

Юная фокусница медленно спустилась по лестнице и подошла к отцу, попытавшись ему помочь с повязками, но он оттолкнул ее.

— Тебе разве не нужно собирать вещи?! — отрезал он грубо.

— Пап, хватит, дай мне помочь тебе, — мягко сказала девочка, звуча при этом холодно, чтобы заставить отца понять, как абсурдно он выглядел, пытаясь заглушить в себе боль. Мужчина вздохнул и позволил ей вмешаться, девочка сглотнула, смотреть на ожоги было не из приятных. Она была довольно юна, поэтому еще не успела насмотреться на подобного рода вещи, пусть даже она и была шиноби и однажды ей будет суждено столкнуться с такими травмами.

— Что случилось... — спросила она, накладывая мазь на повязки и аккуратно втирая ее в обожженные руки, позволяя лекарству впитаться прежде, чем она начнет забинтовывать конечности.

— Я пытался читать газету... Чертову газету! — закричал отец, очевидно ему было больно.

— Все в порядке, в следующий раз я помогу тебе, а теперь сиди спокойно, — ответила Мана, пытаясь усиленно сфокусироваться на бинтах. Мужчина вздохнул, если бы он успокоился, это бы разрядило обстановку. Он, вероятно, уже разозлил мать, а когда она была вне себя, она показывала это человеку всем своим видом, только если это не была ее семья — вся злость распространялась на овощи и рыбу на кухне.

— Знаешь... Мама и я всегда будем здесь, эта боль твоя, равно как и наша, хватит замыкать ее в себе и потом выливать это на остальных. Ты только послушай звуки рассекающего ножа, мама там потрошит мертвую рыбу... — попутно сказала Мана. Глаза отца загорелись, этот гнев был, без сомнения, порожден болью, но... Затем они потухли.

— Это просто... Все так для меня ново.

Мана немного улыбнулась.

— Все нормально, ты привыкнешь.

Она пыталась успокоить отца, но с каждым ее словом он выглядел только злее. Теперь он пытался сделать руками движение и закричал от боли, тем самым напоминая фокуснице, что здесь ее работа еще не окончена.

— Не в этом дело! В своих снах я всегда вижу свои руки здоровыми, да и в кошмарах тоже, а затем, когда я просыпаюсь и оказываюсь еще в более жутком кошмаре – моя реальность продолжает быть намного хуже моего самого страшного ночного кошмара.

Отец заворчал сквозь злость и боль, Мана должна была отдать ему должное, он наконец был честен, вот чего она хотела от него – чтобы он разделил с ней свою боль. Внезапно с кухни в разговор вмешалась мать, хорошо у нее под рукой не оказалось сковороды или чего-то подобного.

— Так мы лишь часть твоего худшего ночного кошмара? — закричала она.

Отец начал выть, благо Мана вовремя управилась с наложением повязок, иначе бы отец затрясся и ему было бы еще больнее.

— Да не в этом дело... Я просто не хочу говорить с вами об этом. У Маны сейчас все идет в гору, она довольно известна и это еще только начало, она удачно справляется с одной миссией за другой... Скоро ты перегонишь своего отца, малыш...

Мана никогда не видела, чтобы ее отец плакал, он всегда был примером мужественности, а видеть, как этот пример для подражания дает слабину, заставило ее глаза наполниться слезами.

— Так это меня нужно винить во всем? Потому что твоя боль растет, и ты держишь ее в себе? — промолвила она своим дрожащим детским голосом.

Мана почувствовала руки матери, обвивающие ее шею, девочка взглянула на нее и увидела, что мать тоже вот-вот заплачет, но она еще держалась. В ней горел тот огонек, который даже слезы не могли потушить.

— Твой отец не это имел в виду, ты же знаешь, что страдания не дают ему мыслить ясно. Когда он привыкнет к этому, я собираюсь хорошенько надавать ему за то, что он сказал.

Отец положил свою руку на голову дочери и мягко погладил ее, его движения были довольно медленными и ограниченными из-за болевых ощущений, но для Маны это было очень важно, это был самый лучший знак внимания.

— Ты понимаешь, я не это имел в виду, я привык быть шиноби, может не очень хорошим, но мне

было весело... Сейчас же я просто бесполезный неудачник, которому приходится подбадривать тебя будучи дома. Очевидно, все не так плохо, но я еще не привык чувствовать себя непутевым и павшим духом.

Мана встала, позволив руке отца соскользнуть вниз, и посмотрела на него, прикоснувшись своим лбом к его лбу.

— Тебе нужно найти что-то новое, что будет тебя олицетворять. Ты не можешь жить полный страдания, это не новый ты, а лишь часть тебя. Тебе нужно найти что-то новое, что ты можешь назвать своим, что поможет заглушить боль.

Голова отца почти упала, но Мана напрягла шею, чтобы выдержать давление.

— Даже не говори, что мы всё, что тебе нужно, это вовсе не правда. Все это время, что мы были рядом с тобой, боль продолжала тебя мучить, значит ты нуждаешься в чем-то еще.

Отец заворчал: — Раньше я так хорошо справлялся с этим... Теперь мне ровным счетом ничего не поможет... — сказал он.

Мана встала и показала свои руки.

— У тебя есть голова, а я буду твоими руками. Когда я буду возвращаться с миссий, ты можешь мастерить всевозможные ловушки, а я буду пытаться из них выбиратья прямо на сцене. Я найду занятие, которым ты можешь занять свои мысли. Это также... Внесет разнообразие в мои выступления...

Отец привстал и обнял девочку, затем мягко отодвинулся и сел.

— Хорошо, теперь иди заканчивай свои сборы, у тебя большой день завтра.

Мане не нужно повторять дважды, она поспешила наверх в свою комнату и снова начала упаковываться. По крайней мере, хотя бы раз она поступила как настоящая дочь и выручила отца. Разнообразить содержание выступлений, где использование ниндзюцу сменится избеганием смертельных ловушек, построенных ей же самой по инструкции отца, было бы странно. Возможно, ей следует оставить все как есть и использовать это нововведение как часть ее шоу. В конце концов, ее магические представления потеряют свой смысл без использования в них ниндзюцу.

Следующий день начался необычно - Ману разбудила мать, собиравшаяся на работу. Сейчас ее рабочие часы увеличились, так как отец из-за травм не мог работать. Мать надеялась, что удвоенный заработок дочери и те несколько клиентов, посещающих кафе в дополнительное время после закрытия, смогут компенсировать часть дохода отца. Мана не была хорошо осведомлена о том, как у нее с этим обстояли дела, потому что мать управляла всеми ее

финансами. Отец всегда шутил, что это было к лучшему – сказочный клан матери, по-видимому, хорошо заведовал деньгами. Это была отговорка отца ко всему, что касалось матери – ее наследие.

После всей утренней рутины Мана накинула одежду, выбрав простую футболку, пиджак и повседневные джинсы, одежду, которую было не жалко порвать или погрязнуть в ней в болоте, но которая не стесняла ее движения. Девочка поспешила к воротам, благо по пути встретилось всего пару человек, поприветствовавших ее и пожелавших удачи, благодаря чему она добралась до места встречи быстрее, но все равно пришла последней. Это было крайне удивительно, потому что в первый раз Сугеми выглядел так, будто лег спать вовремя, хотя судя по его внешности он даже не ложился.

— Вау, вы трое так выглядите, будто на ферму собрались, — пошутил Таншу, одетый в ту же самую одежду, которую он всегда носил. Троица наконец направилась в Лес Смерти – Команда Дуба и ее первая миссия С ранга!

<http://tl.rulate.ru/book/59918/2006458>